

*Жарких В. Ю.,
Жарких О. Ю.
(м. Одеса)*

ГЛУБИННЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Аннотация. В статье анализируются принципы логико-семантического соответствия между языковыми единицами в разных функциональных стилях. Характерные черты парадигмы семантической и функциональной структуры терминологического употребления словарного состава языка рассматриваются в контексте современных попыток создания всемирной терминологической системы.

Ключевые слова: функциональный стиль, терминосистема, семантика, функция, словарный состав языка.

Неоценимое значение естественного языка в интеллектуальном освоении мира и коммуникативной практике человека обуславливает философское значение его изучения. Предлагаемые в современной науке способы решения фундаментальных теоретических проблем его функционирования имеют принципиальные методологические и практические следствия. Центральной среди этих проблем является анализ смысла языковых выражений. Проблема понимания их семантических свойств и понятийных отношений заключается в выявлении критериев соотношения осмысленного и бессмысленного, истинного и ложного в конкретных ситуациях реализации языковых единиц. От степени их адекватности фактам действительности зависит совокупное знание как определение и освоение концептуальной картины мира.

Анализ логико-семантических концепций смысла значительно расширяет возможности разграничения и сопоставления разных уровней существенных признаков естественного языка — глубинного (базисного, логического, семантического) и поверхностного (собственно синтаксического). Проблема смысла языковых единиц стоит на стыке комплексов общественных, естественных и технических наук. Их интерактивный характер подчеркивает многопараметрические взаимосвязи между мыслью, языком и действительностью. Цель такого анализа состоит в раскрытии роли языка в построении картины мира. Смысл его единиц является частью так называемых концептуальных систем носителей естественного языка, которые представляют собой системы

информации, включающие знания и мнения о действительном и возможном состоянии реальности. Особенно плодотворным является определение значения логических понятий истины в онтологии возникновения и развития первичных и последующих отношений мысли, языка и реальности при отказе от абсолютизации значимости вербального фактора. Важным при этом является постулат о непрерывном характере построения концептуальных систем, в основе которого лежит идея континуальности смысла. Возможности изменения концептуальных систем связаны с невербальным этапом их становления, который является важнейшим, всегда присутствующим условием употребления языковых выражений. Реализация принципа историзма и конкретности в осуществлении коммуникации с другими носителями языка объясняет динамический характер смыслообразования. Сложная диалектическая детерминация мышления и речи проявляется в контекстуальном употреблении языка, при котором семантика (теория смысла) и прагматика (теория употребления языка) находятся в непрерывном состоянии взаимопроникновения. Для реальных носителей языка характерной чертой семантики лингвистических единиц является различие в их вербальном и узуальном значении, вызванное континуальными процессами отождествления и различения информации в их самых различных формах.

Несовпадение смыслов, связанное с изменением контекстов употребления, наблюдается во всех функциональных стилях языка, не говоря уже об эквивалентах в разных языках. В структуре вербальных единиц выделяются разные уровни семантического выражения глубинного соотношения языка, мысли и реальности. Даже в таком структурированном слое языка как терминология не удастся избежать многозначности, а иногда и антонимичности. Само слово «терминология» [1, 25] выражает, по крайней мере, три разных понятия: 1) принципы и концептуальные основы, согласно которым происходит изучение терминов; 2) правила и ограничения, применяемые в терминографической работе и 3) набор терминов, относящийся к определенной научной области. С другой стороны, терминология может быть

описана как отдельная наука в свете подхода, предложенного Е. Вустером [2]: 1) методы и практики для сбора, описания и презентации терминов; 2) система предпосылок, аргументов и выводов, необходимых для объяснения отношений между понятиями и терминами, фундаментально необходимых для последовательного использования.

В течение последних десятилетий вопросы распределения лингвистических единиц в соответствии с их концептуальным содержанием является предметом горячих дискуссий, в ходе которых предлагались теории, отличные от традиционно принятых. Наиболее остро стояла проблема поиска критериев, согласно которым можно было создать теорию, охватывающую всю сложность терминологии, в самом широком смысле этого термина, в ее реальном и разнообразном коммуникационном бытии. Несмотря на различие мнений, объединяющей темой дискуссий был постулат о многоплановости языкового выражения. Однако в контексте такого подхода, как это отметил Н. Хомски [3] в 2001 году, как только предпринимаются попытки серьезного изучения семантической структуры языка с применением более или менее строгих правил, сразу же возникает парадокс несовпадений и противоречий. Этот парадокс ясно виден при попытке решения вопроса о формальном определении положения терминов в структуре естественного языка. С одной стороны термин определяется как «особое, специальное слово» [4, 24], с другой, как слово, имеющее специальные, специфические функции [5, 143], потому что любое слово может выполнять терминологические функции. Это противоречие нивелируется, если учесть, что субстратом терминологии является словарный запас естественного языка, откуда терминология заимствует свои единицы. Принципиальный характер термина проявляется в его терминологической природе [6, 173], т. е. его способности обозначать специфическое общее понятие в системе концепций определенной области знания или деятельности. Однако это определение не дает оснований для разграничения собственно термина и слова, как единицы словарного состава естественного языка. Любая словарная единица функционирует в более или менее ограниченном и специфическом контексте коммуникации.

Не менее интересны семантические характеристики в корреляции «слово-термин». Не всякое слово является термином, как и не всякий термин является словом, хотя в действительности каждая из этих языковых единиц дополняет другую и вместе они обладают множеством общих признаков. С формальной и семантической точки зрения термины не представляют большой разницы по сравнению со словами [1, 149]. Разница

проявляется, когда они рассматриваются в прагматическом или коммуникативном аспекте. Наиболее очевидным признаком терминологии по сравнению с общим словарным составом языка является соотношенность ее единиц с обозначением понятий специальных дисциплин и типов деятельности. Не менее важным признаком является частотность и ареал употребления. Термины, таким образом, составляют часть фундаментальных знаний человека, который специализируется в данной познавательной или деятельной сфере.

Будучи словами, термины обладают многими аутентичными признаками, которые выделяют их из сферы повседневной коммуникации. Основная цель создания термина, как и всей системы терминологии, независимо от того, в какой форме он выражен — словом, словосочетанием, символом, математической формулой, акронимом, греческим или латинским заимствованием — состоит в обозначении понятия в определенной области знания. Термины техничны по своей природе. Они выражают понятия в технических, строго очерченных границах применения. Их употребление ограничивается заинтересованным научным сообществом. В большинстве случаев они соотносятся с определенным понятием и выражают его моносемантически. Принцип однозначности является одной из важных характеристик термина, в то время как слова общего словарного фонда, как правило, обладают полисемантической. Другими словами, теоретически существует, или предполагается, только одно семантическое отношение между термином и понятием, которое он обозначает, в контексте данной концептуальной сферы.

В контексте такого определения значение любого термина должно быть четко определено, и, если он становится полноправной единицей терминологии, его употребление должно быть стандартизировано [5.76]. Этот тезис стал основным в современных дискуссиях, поскольку в реалиях глобализационных процессов терминологические несоответствия создают барьеры для взаимопонимания, как в научной среде, так и в сфере общеупотребительной лексики. Смещение единиц общего словаря терминов или неверное сочетание единиц разного уровня создают непоправимые нарушения на коммуникационном и онтологическом уровне. В реальности всемирной информационной и коммуникативной открытости нарушения подобного рода могут иметь непоправимые социокультурные последствия.

Термины не всегда являются словами или словосочетаниями естественного языка, поскольку они могут быть невербальными знаками среди элементов специальной символической семиотической системы. Однако, концептуальное

содержание знака всегда требует объяснения, интерпретации или определения в естественном языке. Существует постулат [6.27] о том, что признаки термина проявляются в разной степени и, если оценивать терминологичность слова по градуированной шкале, можно разделить термины на более терминологичные и менее терминологичные. Параметры этого различия определяются по характеру понятийного соотношения между термином и его дезигнатом. Чем однозначнее это соотношение, тем более терминологичным является термин. Однако, независимо от главного требования, которое предъявляется термину — принципа однозначности — в некоторых случаях наблюдается не только определенная степень полисематичности, но и случаи избыточности названия дезигната, что проявляется в синонимичности вербального выражения. Это не значит, что каждая терминологическая единица имеет синоним. Но некоторые из них, особенно акронимы, которые, по сути, являются аббревиатурами [7. 28] либо простых, либо сложных терминов, обладают так называемыми квазисинонимами: английская аббревиатура AIDS, на понятийном уровне обозначает серьезное заболевание, вызываемое вирусом, который разрушает естественную систему защиты организма от инфекции. Она является аббревиатурой полного термина «синдром приобретенного иммунодефицита», который в русском языке существует в форме аббревиатуры СПИД, а в украинском — СНІД. Подобная избыточность терминологического выражения, как в пределах одного языка, так и на уровне разных языков, создает определенные трудности, которые, согласно Вустеру, следует нивелировать в рамках стандартизированной всемирной терминологической системы.

Теория, объясняющая семантическую структуру терминов, имеет длительную историю. Она уходит в средневековые дискуссии относительно понимания семантического значения лингвистических единиц, которые в те давние времена объединялись общим названием «термин» (term) [8.409]. Начиная с 12-го столетия в философских трактатах рассматривались характеристики и свойства знаков естественного языка, которые являются необходимыми для объяснения таких понятий как «истина (truth)», «ложность (fallacy)» и «умозаключение (inference)», трех центральных понятий логического анализа. Эта теория основывалась на постулатах, предложенных в трудах Ансельма и Абельяра [8.205], и в дальнейшем развитии претерпела множество изменений. Ее возникновение, согласно общему признанию, тесно связано с теорией ложности, а в качестве общей семантической теории она развивалась в

ответ на разнообразие возникающих потребностей коммуникативного опыта.

Уильям Шервудский (1240) выделял четыре свойства, присущих терминам языкового выражения — обозначение (signification); предположение (supposition); сочетание (copulation); название (appellation) [8.108]. Несколько иная традиция представлена в трудах Питера Испанского и Ламберта Парижского [9.118]. Они выделяют пять свойств, необходимых для различения языковых знаков — предположение (supposition); название (appellation); ограничение (restriction); дистрибуция (distribution); отношение (relation). По мере дальнейших обсуждений набор этих свойств пополнялся новыми признаками, которые казались важными в контексте менталитета 12-13 столетий, как например, однозначность (univocation); неопределенность (equivocation); адъективация (adjectivation); субстантивация (substantivation) [10.409]. Впоследствии эти нововведения, как и некоторые ранее признанные, были исключены, поскольку их релевантность не представлялась значимой в разграничении смыслов языковых выражений. Начиная с 14 столетия [11.93] важными постоянными признаками термина, как в узком, так и в широком понимании значимой языковой формы, отличающих его от других, признаются обозначение (signification); предположение (supposition); ограничение (restriction); предположительные отношения (supposed relations).

Во всех ранних философских традициях в качестве важнейшего признака лингвистических единиц выделялась его способность служить знаком обозначения различных типов деноминации. Еще Ансельм Кентерберийский (1033-1109) находил различие между обозначением *per se* — обозначения как такового (signify as such), и обозначения по отношению к чему-либо (signify relatively) [10.48]. Последнее понималось как название (appellating). В первом, то, что называлось, было формой, в то время как во втором называемое было вещью. Поскольку одинаковые формы могут быть общими для нескольких вещей, которые называются одним и тем же именем, все эти рассуждения ни тогда, ни в последующие века не давали ответа на важнейший вопрос философии языка — как понять, что разные употребления термина фокусируются в одном значении, несмотря на индивидуальные различия обозначаемых реалий.

Средневековые мыслители не нашли ответов на все семантические загадки, как, впрочем этого не сделали и до сих пор. Семантические теории и структуры понятийного анализа, предложенные ими, использовались в последующие времена в попытке объединить их с современными

исследованиями в логике, философии и лингвистике. Однако, хотя можно найти множество аналогий и подобий, ни одна из средневековых теорий о свойствах не совпадает полностью с современными понятиями. Это связано с тем, что в течение столетий семантическая структура естественного языка ошибочно воспринималась как нечто само собой разумеющееся. При таком подходе человек-носитель языка рассматривался не как активный субъект познания, наделенный индивидуальным и социальным опытом, а как исполнитель некой абстрактно-абсолютной семантики языка. Система информации о мире, вся концептуальная система функционирования и применения языка, воспринималась не в контексте моделирования мыслительных процессов, а в рамках застывших семантических схем, возможность переориентации которых даже не предполагалась. Надежность и однозначность вербального выражения не только не вызвала сомнений, такая проблема вообще не рассматривалась и не ставилась. Попытки интерпретации семантического наполнения слова заключались в поисках единого рационального смысла. Однако каждое понятие, релевантное в определенное время, развивается как континуум представлений, удовлетворяющих иные, часто конфликтующие потребности в других исторических и жизненных обстоятельствах [12.132]. Однажды возникнув, каждое понятие продолжает непрерывно развиваться, удовлетворяя некую потребность в одно время, другую в более поздний период, а иногда конфликтующие потребности одновременно. Не менее ошибочны были попытки определять каждое понятие, каждую лингвистическую единицу *sera^oratim*, в отрыве как от ее семантического и синтаксического окружения, так и без учета конкретных экстралингвистических, невербальных условий ее возникновения и употребления.

Неконструктивность такого подхода особенно заметна при анализе глубинных характеристик терминологических единиц на уровне прагматики их употребления. Термины и терминологические системы возникают в результате коммуникативной и познавательной деятельности человека. Если понимать термин в его первоначальном смысле, как слово, языковую единицу, термины создаются для того, чтобы придать четкость и точность, необходимые для адекватного выражения мысли. Но все дело в том, что значение слова или любого высказывания в большой степени зависит от множества разнообразных причин. Взятое вне контекста, значение простого предложения — «чрезвычайно субъективное представление об истине» — не представляется ясным. Можно сказать, что несмотря на то, что восприятие истины является субъективным, оно не отрицает того, что эта истина одновременно может быть и объ-

ективной [12.129]. Человек может иметь субъективные представления, которые соответствуют объективным гносеологическим основаниям. Слово «чрезвычайно» не помогает уточнить смысл высказывания, оно фактически ничего не добавляет к значению «субъективный» и является избыточным. Все высказывание открыто к различного типа интерпретациям, потому что в нем отсутствует точность. Ясность и четкость отсутствуют потому, что неизвестны сопутствующие обстоятельства, при которых или из-за которых возникло это высказывание.

Преодолеть семантическую неопределенность языковых единиц, терминологических в частности, попытался Ч.С. Пирс [13]. Он предположил общую теорию знаков — семиотику — с тем, чтобы создать четкую логическую систему анализа и оценки на основе критериев простоты, приемлемости, удобства и современности. Особенностью семиотического подхода Пирса является требование четкого логического соотношения предмета описания и субъекта. Это соотношение описывается через систему логических отношений между объектом, знаком и интерпретатором. В дальнейшем аргументация логического анализа смысла и значения термина была продолжена в трудах Г. Фреге [14], который демифологизировал логику и показал ее объективное значение для общенаучной методологии. Он уточнил границы корреляции между смыслом и значением, определив, что значением знака является предмет обозначения — денотат, а смыслом — содержательная характеристика, которую он получает в процессе употребления. Смысл и значение языковых единиц, слов, терминов, идиоматических словосочетаний, следует, поэтому, анализировать не в формате «субъект-предикат», а в плоскости логических функций.

К середине XX-го столетия в динамике аргументации и интерпретации терминологических единиц наметилась новая тенденция, основанная на характеристике речевых актов [15]. Ключевой гипотезой теории речевых актов было присутствие зависимости между формой коммуникационного акта и действием тех, кто этот акт инициирует и на кого этот акт направлен. В рамках теории коммуникации были разработаны разнообразные ситуативные сценарии коммуникации. Модели таких сценариев предлагаются в виде фреймов, в пределах которых коммуникация интегрируется как набор опций в рамки единой схемы, и не рассматривается как отличный тип дискурса.

С позиции такого подхода различие между специализированным и общеупотребительным слоговыми языкового выражения не представляется таким жестким. Роль общих знаний становится существенно более весомой. Возрастает и значение участников коммуникативного акта в соз-

дании знания через дискурс в контексте общей социокультурной эрудиции. Внимательный анализ социальных оснований специализированной лексики позволяет сформулировать общую гипотезу, с помощью которой семантика и прагматика общепотребительных и специальных вербальных форм могут быть интегрированы в различные ситуации социальной репрезентации и дистрибуции.

Процессы глобализации значительно повысили интерес к терминологической сфере языка, что выразилось как в критике традиционных принципов исследования, так и в появлении многочисленных новых подходов, теорий и интерпретаций соотношения между словом и термином, как лексической единицей, которая состоит из одного или нескольких слов и представляет концепт в определенной сфере знания [16.27]. Свидетельством этому является начавшееся с 2003 года движение по созданию новой теории терминологии, отличной от лингвистики и лексикографии. Конгрессы, форумы и семинары по вопросам теории терминологии прошли в Праге, Париже и Лиссабоне. Создание теории, которая могла бы адекватно отражать и объяснять этот социокультурный феномен, предполагает, что терминология, как наука и, в частности, ее вербальные и невербальные единицы, являются полифункциональными [17]. Предлагаемые концепции такой теории постулируют тесную взаимосвязь между процессом познания, реальными условиями образования и функционирования концептуальных систем и собственно проблемой смысла семантических единиц. Терминология отражает инновации, которые происходят в мире, особенно в области информационной и цифровой технологии, что вызывает необходимость называния концептов в определенных областях знания, понятийная ценность которых требует верификации и доказательств. Параметры согласованной линии аргументации центральных понятий специализированной коммуникации основываются на экспликации ее семантических и прагматических характеристик. Наблюдаемая в настоящее время тенденция определения принципов создания теории терминологии, адекватной современным требованиям, развивается в контексте смысловых соотношений построения концептуальных систем и их вербального выражения.

Литература

1. Cabre Castellvi M. Teresa. Theories of Terminology: Their Description, Prescription and Explanation / Cabre Castellvi M. Teresa // Terminology, 2003, 9:2. — P. 163-199.
2. Wuster E. The Machine Tool. An Interlingual Dictionary of Basic Concepts / E. Wuster. — Lnd. : Technical Press, 1968. — 345 p.
3. Chomsky N. An Interview on Minimalism / N. Chomsky. — Siena : Siena UP. Nov. 8-9, 2001.
4. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в технической терминологии / Г. О. Винокур // Труды Моск. ин-та философии, литературы и истории.

— Т. 5. — М., 1989. — С. 38-52.

5. Sager Juan. A Practical Course in Terminology Proceeding / Sager Juan. — Amsterdam/Philadelphia. — 1990. — 297 p.
6. Шелов А. М. Определение терминов и понятийная структура терминологии / А. М. Шелов. — СПб, 1998. — 294 с.
7. Лотте Д. С. Краткие формы научно-технических терминов / Д. С. Лотте. — М., 1971.
8. Fitzgerald Michel. The Medieval Roots of Relativist Epistemology: Albert of Savoy's View of Immediate Apprehension / Fitzgerald Michel // Synthese, 136/3. — 2003. — P. 32-48.
9. Kretzmann Norman et al. William of Sherwood's Introduction to Logic / Kretzmann Norman et al. — Cornell UP, 2003. — 210 p.
10. Kretzmann Normann et al. The Cambridge History of Later Medieval Philosophy: from Rediscovery of Aristotle to The Desintegration of Scholasticism, 1100-1600 / Kretzmann Normann et al. — Harvard UP, 2002. — 476 p.
11. Davis Brian and Brian Leftow, eds. The Cambridge Companion to Anselm / Davis Brian, Brian Leftow. — Cambridge UP. — 2004. — 218p.
12. Жарких В. Ю. Гуманістична філософія Ф.К.С. Шиллера / В. Ю. Жарких. — Одеса, 2008. — 271 с.
13. Pierce Ch. S. Semiotics & Significs: The Correspondence of Ch.S. Pierce & Victoria Lady Welby (1903-1912). — Harvard UP, 2007. — 185 p.
14. Frege G. Conceptual Notations and Related Articles / Frege G. — Lnd. : Routledge, 1972. — 179 p.
15. Searle J. Speech Acts. Cambridge UP / J. Searle. — 1969. — 285 p.
16. Cabre Castellvi Teresa. Terminology. Theory, Methods and Applications / Cabre Castellvi Teresa. — Barcelona, 1999. — 252 p.
17. Kaguera Kyo. The Dynamics of Terminology A Descriptive Theory of Term Formation and Terminological Growth / Kaguera Kyo // National Institute of Informatics, Tokyo. — 2002. — 322 p.

Жаркіх В. Ю., Жаркіх О. Ю. Глибинні параметри комунікативних характеристик функціонування термінологічних систем. — Стаття.

Анотація. В статті аналізуються принципи логіко-семантичної кореляції між мовними одиницями у різних функціональних стилях. Характерні риси парадигми семантичної і функціональної структури термінологічного вживання слів розглядаються в контексті сучасної спроби створити всесвітню термінологічну систему.

Ключові слова: термін, термінологія, невизначеність значення терміну і принципи його ототожнення.

Zharkih V., Zharkih O. Parameters of Depth in Communicational Characteristics in Functioning of Terminological systems.— Article.

Summary. The article deals with principles of logical and semantic correlation of language units in different functional styles. Characteristic structural features of the semantic and functional paradigm of terminological use of words are analysed in the context of forming a global terminological system.

Key words: term, terminology, ambiguity of terminological meaning and principles of its identification.